

Все

история той,
которая
протянула руку
без перчатки

Мои ребята

рут кокер беркс
кевин карр о'лири

*Финалист премии «Лямбда»,
лучшая биография 2020 года
по версии журнала
Library*

18+

Есть смысл

Рут Кокер Беркс

**Все мои ребята. История
той, которая протянула
руку без перчатки**

«ВЕБКНИГА»

2020

Беркс Р.

Все мои ребята. История той, которая протянула руку без перчатки
/ Р. Беркс — «ВЕБКНИГА», 2020 — (Есть смысл)

ISBN 978-5-60-455989-5

1986 год, США. Рут Кокер Беркс, 26-летняя мать-одиночка, случайно зашла в палату к ВИЧ-положительным. Там лежали ребята ее возраста, за которыми отказывался ухаживать медперсонал клиники. В те времена люди мало что знали о СПИДе и боялись заразиться смертельной болезнью. Рут была единственной, кто принялся заботиться о больных. Девушка кормила их, помогала связаться с родственниками, организовывала небольшие праздники и досуг. А когда ребята умирали, хоронила их на собственном семейном кусочке земли, поскольку никто не хотел прикасаться к зараженным. За двадцать лет она выстроила целую систему помощи больным с ВИЧ-положительным статусом и искоренила множество предрассудков. Автобиографичная история Рут Кокер Беркс, трогательная и захватывающая, возрождает веру в человеческую доброту. Редакция посчитала необходимым оставить в тексте перевода сцены упоминания запрещенных веществ, так как они важны для раскрытия сюжета и характера героев, а также по той причине, что в тексте описаны негативные последствия приема запрещенных веществ. На русском языке публикуется впервые.

ISBN 978-5-60-455989-5

© Беркс Р., 2020
© ВЕБКНИГА, 2020

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

**Рут Кокер Беркс в соавторстве
с Кевином Карр О'Лири
Все мои ребята. История той,
которая протянула руку без перчатки**

All the Young Men

Издано с разрешения Citizen Ruth, Inc. при содействии United Talent Agency LLC jointly with P. & R. Permissions & Rights Ltd. in co-operation with PRAVA I PREVODI

Перевод с английского Юлии Пугаченковой

Дизайн и обложка Натальи Агаповой

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Copyright © 2020 by Ruth Coker Burks

Names and identifying details of some of the people portrayed in this book have been changed.
All rights reserved.

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. БФ «Нужна помощь», 2021

* * *

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПОЛУ И БИЛЛИ

Часть первая

Глава первая

Я смотрела, как три медсестры бросают жребий.

Та, что была повыше, вытянула короткую соломинку, и это меня позабавило. Рыжая медсестра красилась такой яркой фиолетовой помадой, что сразу было видно: у нее нет верной подруги, которая могла бы сказать, что это совсем не ее цвет.

Я провела в больнице все выходные, присматривая за одной из моих лучших подруг. Бонни удалили злокачественную опухоль, и теперь она восстанавливалась в медицинском центре Литл-Рока¹. Ей был тридцать один, а мне двадцать шесть, и мы обе были слишком молоды для такого рода болезней. У Бонни обнаружили рак языка – а ведь она ни дня в своей жизни не курила. Она много лет проработала в газете наборщицей в ночную смену, но из-за болезни ей пришлось уволиться.

В больнице мою подругу кормили через зонд. Она совсем не могла говорить, но зато хорошо управлялась с ручкой, а я умело расшифровывала ее закорючки и следила за тем, чтобы у нее было все необходимое. Бонни почти все время спала, поэтому я подолгу бродила по коридорам. Никак не могла усидеть на месте.

– Предлагаю четыре раза из шести, – сказала рыжая.

– Ты же говорила, что лучше два из трех, – возразила низенькая медсестра.

Она перевела взгляд на брюнетку постарше, которая, кажется, была у них за главную.

– Я туда не пойду! – отрезала рыжая.

Все трое поглядывали в конец длинного коридора. Там виднелась завешанная кроваво-красным брезентом дверь с табличкой, которую мне со своего места было никак не разглядеть. Я слушала, как спорят медсестры, и становилось все интереснее. Как ни в чем не бывало я пошла по коридору на цыпочках, чтобы не цокать каблуками. Подойдя к красной двери, я заметила около нее шесть пенопластовых лотков с едой – они были расставлены на полу. Как для собак. Прямо у двери стояла тележка, набитая защитными костюмами и масками. Теперь наконец я смогла прочитать надпись на табличке: **БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОПАСНОСТЬ**.

Я прислонилась к двери, чтобы лучше расслышать доносившиеся из-за нее приглушенные звуки.

– Помогите...

В этом тихом стоне было столько горечи, что я тут же отодвинула брезент и заглянула в палату... На койке, раскинув руки, растянулся молодой человек. Он весил не больше восьмидесяти пяти фунтов² – под простынями его тела почти не было видно.

– Что тебе нужно, милый? – спросила я.

– Хочу увидеть маму, – ответил он.

У меня у самой была трехлетняя дочь Эллисон. На выходные ее забрал отец. Я понимала, что значит желание увидеть маму, и была уверена, что мама паренька непременно захочет помочь своему ребенку.

– Хорошо, – сказала я и сделала шаг в палату. – Я ее приведу. Как тебя зовут, милый?

– Джимми.

– Хорошо, Джимми, – сказала я. – Сейчас я за ней схожу.

---

¹ Административный центр штата Арканзас в США.

² Около 38,5 кг.

Выйдя из палаты, я направилась к сестринскому посту. И на этот раз старалась погромче стучать каблуками, чтобы все знали о моем приближении. Я совсем недавно перекрасилась в блондинку – хвала осветлителю и моему кузену-парикмахеру Раймонду – и уже успела оценить кое-какие преимущества этого шага: теперь люди быстрее обращают на меня внимание, чем в мою бытность брюнеткой.

– Вы же не заходили в ту палату? – спросила медсестра постарше.

– Заходила, – ответила я. – Послушайте, парень по имени Джимми хочет увидеть маму.

– Вы в своем уме?! – воскликнула низенькая медсестра. – Он подхватил гейскую заразу!

Они все одной ногой в могиле.

Надо признать, я испугалась. Дело было весной 1986 года, и повсюду ходили устрашающие слухи о том, как можно заразиться СПИДом. Когда я ездила на Гавайи к Раймонду, то расспрашивала его об этом, потому что волновалась за него и за его друзей. Кроме нас, в салоне никого не было, и Раймонд мог говорить со мной совершенно открыто.

– Этой заразой болеют только кожаные парни³ из Сан-Франциско, – сказал он мне. – Черт знает, чем они там занимаются.

Я понятия не имела, кто такие «кожаные парни». Раймонд ничего кожаного не носил, и я успокоилась, решив, что его эта болезнь точно не коснется.

СПИД в те времена распространялся с бешеной скоростью, и люди будто соревновались в том, чтобы убедить друг друга, что его можно подцепить где угодно: мол, геи оставляют вирус на сиденьях унитазов и в бассейнах и, чтобы заразиться, достаточно дотронуться до дверной ручки или до облизанной кем-то марки на конверте.

Я жила в городе грехов всего Арканзаса – в Хот-Спрингсе, курортном городке, расположенном в часе езды от Литл-Рока. В Хот-Спрингсе проживает почти четверть населения Литл-Рока, но бог весть, сколько человек приезжает туда ежедневно, чтобы приятно провести время. Притоны, бордели и тому подобное. И если бы прикосновения геев к дверным ручкам обрекали нас на верную гибель, мы бы наверняка все давно умерли.

– Если нужно, я позвоню его матери, – сказала я. – Не могли бы вы дать мне ее номер?

– Она не придет, – ответила главная медсестра. – Он здесь уже шесть недель. Его никто не навещает.

– Дайте мне ее номер, – настаивала я. – Если бы она знала, что сыну так плохо...

– Как вам угодно, – сказала медсестра, и ее подчиненные усмехнулись.

Она с демонстративной театральностью отыскала анкету с данными ближайших родственников парня и нацарапала на бумажке номер его матери. Сестра почти швырнула листок в мою сторону – словно теперь ей стоило бояться и меня.

– Спасибо, – произнесла я, призвав на помощь все свое южное очарование и ехидство. Я потянулась было к телефону на стойке, но сестра выдернула его у меня из-под руки.

– Еще чего! – сказала она. – Вон там таксофон.

Повернувшись к сестрам спиной, будто и не собиралась пользоваться их телефоном, я направилась к таксофону. Решительно подняв трубку, я вдруг струсила: как правильно сообщить бедной женщине о том, что ее сын умирает? Я обернулась и увидела, что медсестры пристально на меня смотрят. Я опустила в щель монетку и набрала номер.

– Алло? – послышался нежный голос из трубки.

– Добрый день. Меня зовут Рут Кокер Беркс, и я хотела бы поговорить с матерью Джимми...

Щелк. Она повесила трубку. Что ж, я имею дело с вредной мамашей. Вот только мой бывший муж еще вреднее. Я это так не оставлю! Опустила в автомат еще одну монету и снова набрала номер.

---

³ Так в США называли представителей БДСМ-сообщества.

– Если вы снова повесите трубку, клянусь богом, я узнаю у Джимми, откуда он родом, размещу в вашей городской газете заметку о его смерти и обязательно упомяну, почему его не стало.

Теперь я полностью завладела ее вниманием.

– Мой сын уже мертв, – сказала женщина. От мягкости в ее голосе не осталось и следа. – *Мой* сын умер, когда стал геем.

– Нет, он жив, но ему осталось недолго, и он хочет вас увидеть.

– Не знаю, что за негодяй лежит у вас в больнице, но это точно не мой сын!

– Послушайте, – сказала я и, обернувшись, заметила, что медсестры ловят каждое мое слово. – Если передумаете, он в медицинском центре Литл-Рока, в палате на четвертом этаже. Советую вам поторопиться.

– И не подумай, – ответила женщина. – Кстати, его тело мне не нужно, так что не смейте мне больше звонить. Можете его сжечь!

Она повесила трубку. Теперь мне нужно было понять, как сообщить Джимми, что его мама не придет. Я прошла мимо медсестер, не поднимая глаз, чтобы они не могли убедиться в своей правоте. Щелкая каблуками, я повернула за угол и поскорее вошла в палату, чтобы не передумать и чтобы сестры не успели меня остановить.

На этот раз я прошла по палате дальше и остановилась почти у кровати Джимми, стараясь все же не подходить слишком близко. В комнате стоял полумрак: она освещалась главным образом солнечными лучами, пробивавшимися через стекло. Джимми казался еще более хрупким и тощим. Он с огромным усилием повернул ко мне голову.

– О, мамочка, я знал, что ты придешь! – сказал он слабым проникновенным голосом.

Я так смутилась, что замерла на месте, словно мои ноги вросли в пол. И тут Джимми заплакал. Видимо, он так давно не пил, что по щеке потекла одна-единственная крошечная слеза, но все тело сотрясало от всхлипов... Зрелище было настолько печальным, что я не выдержала и тоже расплакалась. Слезы катились, а я стояла и не могла произнести ни слова. Но вдруг Джимми попытался до меня дотронуться. Я не могла *не* взять его за руку.

– Мамочка, – снова произнес он.

– Да, – ответила я, нежно сжимая его ладонь. – Я здесь.

Не знаю, пропало ли у него зрение, или он был уже на грани между жизнью и смертью и поэтому видел то, что хотел увидеть больше всего на свете? Кажется, впервые за последние шесть недель кто-то дотронулся до него, не надев перед этим две пары перчаток. На его чумазом лице виднелись подтеки пота и слюны. На щеках остались следы слез: какое-то время назад он еще мог плакать по-настоящему.

– Давай-ка умоем тебя, милый, – сказала я так ласково, как только могла.

Я налила в небольшой тазик теплой воды, растворила в ней немного мыла и протерла лицо Джимми тряпочкой – точно так же я умывала Эллисон, когда она была совсем крошкой.

– Мамочка, прости меня, – произнес Джимми. – Я по тебе очень скучал.

– Тшшш, – сказала я. – Помнишь, как я тебя называла, когда ты был маленьким?

Джимми долго молчал.

– Мой ангел, – ответил он наконец.

– Правильно, – сказала я, зачесывая назад его сальные волосы и пытаюсь уложить их получше. – Ничего не бойся, мой ангел.

Я пододвинула к кровати стул и почти целый час сидела с Джимми, держа его за руку. Пока он не уснул.

А как там Бонни? Я осторожно встала и на цыпочках подошла к двери.

Оказавшись под яркими коридорными лампами, я вдруг осознала, что творю. Я будто прыгнула в кроличью нору... Только вот все это происходило со мной *взаправду*. Я подошла

к туалету, нажала на дверную ручку локтем и, пятясь, вошла внутрь – как делают хирурги в сериалах про врачей.

Стараясь ни к чему не прикасаться, я вытащила бумажное полотенце, обернула им ручку крана и включила горячую воду. До красноты терла руки от ладоней до плеч, залив их мылом, а потом начала мылить лицо, с особой тщательностью промывая рот и ноздри. Я ужасно боялась, что что-нибудь вдохнула. На всякий случай прополоскала рот мыльной водой и, выплюнув ее, посмотрелась в зеркало. На меня смотрела перепуганная блондинка, одетая достаточно хорошо, чтобы все вокруг были к ее услугам, если Бонни что-то потребуется. Глубокий вдох. Еще один. Судорожные энергичные вдохи, надеялась я, очистят мое тело.

– Ладно, – произнесла я вслух, – ладно.

Я вошла в палату к Бонни, и она радостно на меня посмотрела, но тут же нахмурилась, заметив выражение моего лица.

– Здесь есть один паренек. Он очень тяжело болен, – сказала я. – Точнее, он почти мой ровесник, но его никто не навещает, и, клянусь богом, он думает, что я его мама. Бонни, я боюсь, что он очень скоро умрет.

Бонни взяла ручку и блокнот. «ТЫ ЕМУ НУЖНА, – написала она. – Я В ПОРЯДКЕ».

– Ты точно не против, если я уйду? – Думаю, мне хотелось, чтобы Бонни попросила меня побыть с ней, чтобы я могла остаться с чистой совестью.

Бонни покачала головой и ткнула пальцем в блокнот. ТЫ ЕМУ НУЖНА.

Я снова вышла в коридор и направилась к палате с красной дверью.

Прежде чем войти, я ненадолго остановилась, чтобы поговорить с Богом. Я знала, что именно по Его воле Бонни отправила меня обратно к Джимми.

– Господи, я позабочусь об этом молодом человеке, если Ты этого желаешь, – сказала я. – Только защити меня от этой болезни, хорошо? Мне нужно растить дочь.

Я подняла глаза в надежде увидеть какой-нибудь знак. В этом весь Бог: Он без конца задает людям загадки.

Войдя в палату, я снова взяла Джимми за руку. Казалось, он ослаб еще больше. Я просидела возле него весь день. В общей сложности – тринадцать часов. В какой-то момент он посмотрел на меня очень испуганно:

– Что со мной будет?

– Мой ангел, я не отпущу твою руку, пока Иисус не возьмет тебя за вторую. Я буду рядом, пока Иисус не скажет, что готов тебя принять.

Черты его лица смягчились. Порой людям просто хочется знать, что их ждет наверняка.

Следующие несколько часов я держала руку Джимми и пела ему песни, прислушиваясь к его утешающему дыханию. От голода у меня разболелся живот, но уходить я не хотела: боялась, что Джимми умрет в одиночестве. Медсестры к нему так и не зашли. Помощи ждать было не от кого, даже от врачей.

За пару минут до полуночи Джимми испустил последний вздох. Все случилось очень быстро. Вот он здесь, на земле, и вот его не стало. Палата сразу как-то опустела. Я немного посидела с Джимми. И все это время плакала.

Я пошла на сестринский пост, чтобы сообщить, что Джимми не стало. На смену заступили другие медсестры, но они отнеслись к моей новости с не меньшим равнодушием, чем их коллеги. Сказать по правде, мне показалось, они вздохнули с облегчением. Теперь им просто-напросто нужно было избавиться от тела.

– В какое похоронное бюро звонить? – спросила меня одна из сестер.

По ее голосу было ясно, что ей не терпится поскорее со всем этим разобраться и сделать так, чтобы тело вынесли из больницы.

– Хотелось бы мне знать, – ответила я. – Куда вы обычно звоните?

– Обычно мы таким не занимаемся, – буркнула медсестра. – Нам нужно заботиться о пациентах.

– Тот молодой человек тоже был вашим пациентом, – возразила я, но тут же поняла, что слишком устала, чтобы спорить. – Утром я сама куда-нибудь позвоню.

Прежде чем уйти, я зашла в палату к Бонни. Она спала, поэтому я оставила в ее блокноте записку. «Парень умер, – написала я. – До завтра».

Всю дорогу до Хот-Спрингса, которая заняла у меня час, я думала о том, какими жестокими могут быть люди. Я представляла, что лежу в больнице, что меня никто не любит и что все от меня отрешиваются... Дома у двери меня встретил Фофу и начал тереться о мои ноги в ожидании ужина. Эллисон уехала к отцу, и от этого в моем маленьком доме казалось пусто. Прежде чем лечь, я машинально заглянула в комнату дочери. В окно пробивался лунный свет; я села на кровать Эллисон. И заплакала. Рыдала еще отчаяннее, чем в палате у Джимми. Как так можно – совсем не волноваться о собственном ребенке?! Однажды Эллисон потерялась на арканзасской ярмарке, и я испугалась едва ли не больше нее. Все разрешилось буквально за три минуты, но пока я не нашла дочь и не прижала ее к себе, я не могла спокойно дышать. И не важно, сколько твоему ребенку: два или двадцать два. Это твой ребенок! Я не могла вообразить причину, по которой можно от него отказаться.

Утром я достала телефонный справочник и начала обзванивать все похоронные бюро штата Арканзас. Сперва позвонила в те, что находились неподалеку от больницы, но диапазон поиска пришлось расширить. Всякий раз, когда на другом конце провода узнавали причину смерти, я получала отказ. Как будто пыталась похоронить человека, который умер от бубонной чумы и заодно от проказы. Наконец я набрала номер морга для чернокожих в Пайн-Блаффе.

– Мы возьмемся за это, – немного помолчав, ответил мужчина. – Но можем предложить вам только кремацию. Прощания не будет. И в газетах ничего писать не станем.

Денег на кремацию у меня не было. Поэтому, вернувшись в больницу, я сказала медсестрам, что, если им так хочется поскорее избавиться от тела, нужно сделать так, чтобы за все заплатила больница. На смену вновь заступила первая команда медсестер, и, когда я подошла, все они от меня отшатнулись. В результате выяснилось, что у больницы есть резерв, из которого берутся деньги на оплату кремации бедняков. Оставалась самая малость: надо было снова звонить матери Джимми и получить разрешение на кремацию. И вот я опять оказалась у таксофона.

– Джимми умер, и я хочу задать вам один вопрос, – быстро проговорила я, чтобы женщина не успела повесить трубку. Вообще-то у меня к ней было много вопросов, но сейчас нужно было получить ответ лишь на один. – Не будете ли вы против, если тело кремируют?

– Делайте что вам угодно, – ответила она.

– А как быть с прахом? – спросила я.

– Он в вашем полнейшем распоряжении, – ответила она. Щелчок – женщина бросила трубку.

Работники похоронного бюро сказали, что придут только вечером. Я уговорила медсестер пустить меня к Джимми. Ритуальные агенты пришли очень поздно. На них было что-то вроде скафандров, словно они только что вернулись из космоса. Они затолкали Джимми в мешок, не проявив к телу ни капли уважения. Я пошла за ними. Агенты поспешно вынесли тело Джимми через черный ход – хотели скрыть от посторонних глаз даже такой ничтожный акт милосердия.

Бонни провела в медицинском центре еще около недели. Навещая ее, я видела, что палата Джимми все время закрыта, а ее дверь обмотана скотчем с надписью «Биологическая опасность» – чтобы ни одна молекула кислорода, ни один микроб не вырвались наружу и случайно кого-нибудь не заразили. Заходить в эту палату не хотел никто.

Бонни тем временем чувствовала себя все лучше, и вскоре ее выписали. В Хот-Спрингсе у меня было достаточно забот, чтобы отвлечься от мыслей о Джимми. К примеру, нужно было помочь Бонни пережить разрыв с ее женихом Лео. Он приезжал к ней в больницу, кажется, всего один раз. Так и не смог смириться с тем, что его возлюбленной вырвали язык, что от химиотерапии она полысела и что у нее на лице остались отметины после облучения. Лео собрал вещи и ушел. А еще мне нужно было заботиться о моей малышке Эллисон и оплачивать счета. Жизнь шла своим чередом.

А потом мне по почте прислали прах Джимми. Его просто пересыпали в картонную коробку. Мать Джимми была права: прах парня теперь в моем полнейшем распоряжении. И я знала, что могу похоронить его только в одном месте – на кладбище Файлс.

Когда мне было десять, погибла в аварии моя бабушка. Ее похоронили на кладбище Файлс, на участке площадью в четверть акра, где начиная с конца 1880-х годов хоронили всех наших родственников.

Почти сразу после смерти бабушки мама очень сильно поругалась со своим братом, моим дядей Фредом. Точнее, скандал начался прямо на похоронах. Дядя Фред стоял у бабушкиного гроба, который работники похоронного бюро «Гросс Фунерал» водрузили на специальный помост. Кажется, дядя что-то натворил с семейными землями.

– Мама, мама, прости меня, – говорил он так громко, что мы слышали каждое его слово. Дядя всхлипывал и раскачивал гроб. – Меня одолела алчность, и мне захотелось забрать землю себе. Черт меня попутал...

Тут в комнату влетела моя мама.

– Теперь уже слишком поздно, сукин ты сын! – крикнула она и запрыгнула дяде на спину. Мама сбила брата с ног, и они вместе покатались по пандусу для инвалидных колясок.

Чтобы отомстить дяде за все, что он совершил, мама как бы невзначай и втайне ото всех потратила наши небольшие сбережения и выкупила все свободные участки на кладбище Файлс – а именно двести шестьдесят два места. Каждый участок она пометила табличкой с первой буквой фамилии Кокер, чтобы все знали: эти земли принадлежат ей. А затем у них с дядей Фредом состоялся последний разговор.

– Ты никогда не будешь покоиться в одной земле с нашими родственниками, – сказала мама. – Ты навсегда останешься один.

Дяде пришлось купить себе место на другом кладбище, где, по его же словам, хоронят всякое отребье.

Дядя умер, когда мне было шестнадцать, и мне пришлось везти моих тетюшек на похороны, потому что, кроме меня, с той половиной семьи больше никто не общался. Мама сказала, что не пойдет на похороны, но на кладбище *кто-то* прятался за столбом и, как только катафалк подъехал, запустил римские свечи. Фейерверк взорвался высоко в небе прямо над нашими головами... Дядины похороны мама пропустить не могла!

Как видите, чудачка – еще мягкое слово для моей матери. Я слышала, что она была очень милой женщиной, пока ее не отправили в туберкулезный санаторий Бунвилля. Мне тогда было всего полгода. Мама работала медсестрой. Туберкулеза у нее не было, но она страдала каким-то редким легочным заболеванием. Врачи не верили, что это не туберкулез, и, заковав маму в наручники, увезли ее по грунтовке в Бунвилль. В санатории все было устроено так, чтобы у туберкулезных больных не возникало необходимости из него уезжать. Это была целая деревня с церковью, продуктовым магазином, пожарной бригадой и огромным сводом правил о взаимодействии с внешним миром. Маму привезли на вершину горы и поселили в дом с верандой. А потом с ней что-то случилось, и она начала сходить с ума. Отпустили ее домой, только когда мне исполнилось четыре. Это было очень кстати, потому что тогда же папа слег уже со своим легочным заболеванием. Когда мне было пять, он умер на моих глазах в День благодарения.

Когда я была подростком, мы с мамой ходили на кладбище после воскресной службы. Я всегда останавливалась у могилы отца, потому что очень по нему скучала и бережно хранила свои воспоминания. Когда я родилась, папе было около шестидесяти. Помню, как мы с отцом ездили во Флориду: там находилась усадьба его родителей, и там мы на крохотной лодке сплавлялись по реке Пис. Папа учил меня не бояться проплывающих мимо аллигаторов и свисающих с деревьев змей. Есть у меня и странное воспоминание: я под музыку из рекламы кофейного перколятора «Максвелл Хаус» резво ползу к телевизору, а папа, зацепившись одним пальцем за мой подгузник, притягивает меня обратно. Помню папин смех, когда он берет меня на руки и с любовью щекочет. Помню это ощущение полета, помню его объятия...

Мама никогда не отличалась сентиментальностью и каждый раз, когда мы приходили к отцу на могилу, вздыхала и делала широкий жест рукой.

– Когда-нибудь все это будет твоим, – говорила она, ехидно посмеиваясь.

В детстве я, будучи единственным ребенком в семье, думала: «Почему мне в наследство не может достаться, например, какое-нибудь кольцо? Что я буду делать с целым кладбищем?»

И вот я держала в руках прах Джимми, понимая, что его душа не будет знать покоя, пока тело не предадут земле. Я знала, что хоронить придется ночью. Если кто-нибудь узнает, что я похоронила больного СПИДом, и уж тем более что я провела в его палате не один час, то любой судья штата Арканзас – да и любой судья в Америке, чего уж там, – постановит, что у меня надо забрать дочь и передать ее под полную опеку отцу. В моем штате действовал закон о содомии, благодаря которому мужчины, вступающие друг с другом в половую связь по взаимному согласию, могут на целый год оказаться за решеткой.

У меня не было денег на красивый сосуд для праха Джимми, поэтому я пошла к своему другу Кимбо Драйдену, который работал в гончарной мастерской в парке Уиттингтон. Кимбо был хиппи и ходил с длинными каштановыми волосами. Это делало его похожим на Иисуса, сошедшего с картин, что висят в домах у наших бабушек. При этом ресницы у Кимбо были белоснежными, и я всегда невольно на них засматривалась. Я спросила Кимбо, нет ли у него ненужной емкости. Не стала говорить, зачем она мне. Кимбо без сожаления расстался с щербатой банкой для печенья. Вернувшись домой, я пересыпала в нее прах Джимми. Теперь – похороны.

Я дождалась, пока взойдет луна. Кладбище Файлс раскинулось на холме, покрытом соснами и дубами с одной магнолией в придачу. Совсем рядом с кладбищем проходит оживленная дорога, так что мне нужно было сделать все очень быстро. Земля на кладбище круглый год была усыпана сухими сосновыми иголками, которые хрустели при каждом шаге. Этот скрип мог сравниться только со свистом пересмешников, главных птиц нашего штата. Самцы в поисках любви поют ночи напролет, без конца издавая звук, похожий на скрежет садовых качелей, требующих срочной смазки.

Волнения у меня не было. Знаю, что есть люди, на которых кладбища наводят страх, но мне там всегда становилось спокойно. Особенно на кладбище Файлс. Может, потому, что я очень скучала по отцу. Он был добрым человеком. Я знала, что он поддержал бы меня в том, что я делаю для Джимми, поэтому решила вырыть яму посреди отцовской могилы. Так я точно запомню, где лежат останки Джимми, и буду знать, откуда их выкапывать, если обо всем станет известно жителям Хот-Спрингса.

Я прислонила банку с прахом Джимми к папиному надгробию, словно пыталась их таким образом познакомить, и провела пальцами по каменной плите, на которой было высечено: «Джеймс Ишэм Кокер» и «Участник Первой и Второй мировых войн». Папа родился в 1900 году и, когда началась Первая мировая война, попал во флот. А во время Второй мировой решил туда вернуться. Когда молодые ветераны пришли со Второй мировой и решили прогнать из Хот-Спрингса мафию, чтобы наладить городскую жизнь, отец был одним из самых старших, и все относились к нему с большим уважением. Ветераны были хорошими людьми.

– Папа присмотрит за тобой, Джимми, – сказала я.

Копать кладбищенскую землю – занятие не из легких, ведь в ней полно камней. Кладбищенская земля ни черта не стоит, ведь если бы на ней можно было вырастить хоть что-нибудь, ее ни за что не отдали бы мертвецам.

Кое-как я вырыла в красной арканзасской грязи аккуратную яму.

– Жаль, что мы так мало времени провели вместе. Но теперь ты в надежных руках, да?

Я положила банку с прахом в ямку и помолилась за Джимми. Присыпала могилу сосновыми иголками, чтобы скрыть свежевскопанную землю, оглядела кладбище, усаженное дрожащими на ветру деревьями. И только теперь, когда Джимми лежал в земле, я поняла, что произошло... У меня было такое чувство, будто я укрываю беглеца. Меня охватил ужас, что все откроется и мне придет конец. И я подумала: «Во что ты ввязалась, Рут?»

Глава вторая

Была весна, и повсюду цвел кизил. Сквозь ковер белых цветов на холмах проглядывали лиловые и розовые ветки багряника. В это время обычно начинается нерест белого окуня. Рыбы находят себе пару, и их примеру следуют все жители Хот-Спрингса. Если удачно выбрать заводь, добычу можно буквально черпать сачком. Я, конечно же, говорю об окунях, но моя подруга Сэнди примерно так же относилась к мужчинам. В 1986-м она выполняла божественную миссию по поиску мужа. С Сэнди всегда было весело. Именно она научила меня быть настоящей блондинкой.

– Вчера вечером я виделась с Ричардом, – сообщила Сэнди, в шестнадцатый раз поправляя лямки купальника, чтобы загореть получше и чтобы на нее точно кто-нибудь обратил внимание.

Мы лежали в шезлонгах у бассейна, загорали в свое рабочее время и даже не подозревали, какие мы счастливые. Наша работа заключалась в том, чтобы продавать таймшеры приезжающим отдохнуть на озеро Гамильтон. В девять утра мы провели двухчасовой показ квартир, а следующий был назначен только на два часа дня. В свободные часы мы могли заниматься чем хотели, и наши начальники сами предложили нам немного позагорать, чтобы стать еще привлекательнее. Две блондинки в бикини – отличная реклама зрелищу, которое вы будете наблюдать каждый день, если приобретете здесь жилье!

– Как дела у Ричарда? – спросила я.

Ричард служил в торговом флоте – перевозил товары с одного корабля на другой в Персидском заливе, – поэтому обычно уезжал на несколько недель. Он не так давно вышел из тюрьмы и частенько заглядывал к Сэнди.

– Как всегда прекрасно, – со вздохом ответила Сэнди и закинула руки за голову.

– Мне Ричард нравится, – сказала я совершенно искренне.

Стоящего мужчину найти не так просто, а Ричард был очень приятным. Симпатичный и веселый, под стать Сэнди.

– Рути, когда уже ты найдешь мужчину *себе*?

– А разве не ты запрещаешь мне встречаться с мужчинами, с которыми у тебя что-то было? – спросила я. – Мне почти и выбрать-то не из кого!

– Что поделать, если я такая привлекательная?

– Тут уж ничего не поделаешь, ты права.

Сэнди думала, что я могу украсть у нее мужчин. Но учитывая, с какими типами она встречалась, если бы это и было воровство, то только мелкое. Ни один из них не стоил того, чтобы потерять такую подругу, как Сэнди. В моем окружении она была единственная, с кем я могла пройти двадцать миль по холмам, и нам всегда было кого обсудить.

– Тебе надо появляться в местах, где бывают мужчины, – сказала Сэнди.

– Я интересую только мужчин с обручальными кольцами, – ответила я. Если Сэнди придерживалась правила «Я его первая увидела», то у меня было табу на женатых. – Мне даже *собственный* муж не нравился, почему вообще мне должен приглянуться кто-то другой?

– Как поживает этот подонок? – спросила Сэнди.

Мы никогда не произносили его имя вслух. Этого суеверия я придерживаюсь до сих пор. И поэтому вы не узнаете, как его зовут. Произнести его имя – все равно что дьявола вызвать!

– Снова задерживает деньги для Эллисон.

Мой бывший муж должен был выплачивать мне сто долларов в месяц, но я скорее была готова поверить, что он не выполнит свои обязательства, чем в обратное. Я вышла за него, когда мне еще не было двадцати, потому что он первым сделал мне предложение. Ему было тридцать пять. Благодаря маме я твердо верила, что родилась уродиной и ей же умру, поэтому

я решила, что второго шанса сказать мужчине «да» у меня может и не быть. Мама мечтала, чтобы я вышла за сына шиномонтажника, ведь он всегда будет при деньгах. Отец Эллисон оказался ужасным человеком, а вдобавок и работу потерял, так что, наверное, нужно было слушать маму.

– Нам необходим настоящий мужчина, – сказала Сэнди. – Найди Эллисон отца получше, чем тот, что у нее есть сейчас.

Я пожала плечами. И тут почему-то вспомнила про него. Про Джимми. И откинула волосы назад, чтобы хоть как-то отвлечься. Я проделывала это всю неделю с тех пор, как похоронила Джимми в отцовской могиле. Я весь день провела рядом с ним в больнице... Мне все еще казалось, что я пальцами ощущаю его кожу. И чувствую на себе взгляды медсестер...

– Сэнди, ты точно забереешь Эллисон к себе, если со мной что-нибудь случится?

– Клянусь, – ответила она. – Эллисон станет моей... служанкой! – Сэнди расхохоталась, и я тоже невольно хихикнула.

– Я просто не хочу, чтобы она росла в семье отца, ведь... Ну, ты знаешь. Они и сами не захотят ее воспитывать.

Как-то раз – Эллисон был всего год – мы с родителями мужа обедали в ресторане. Они решили немного отвлечься от просмотра программы Пэта Робертсона⁴. У нашего столика оставилась их приятельница, которая с удивлением посмотрела на Эллисон.

– И в кого у нее такие прелестные рыжие волосы? – спросила она.

Моя свекровь, не раздумывая, ответила:

– Мы бы тоже хотели это знать.

Сэнди выпрямилась и спустила темные очки на нос. Но я не решалась посмотреть на нее, чтобы она не заметила, как я напугана.

– Рути, ничего с тобой не случится.

Мимо прошла семейная пара, и мы с Сэнди замолчали. Он, как любой мужчина, который не хочет нажить себе неприятностей, пытался смотреть прямо, но все-таки косил на нас глазом. Женщина очень быстро схватила его за руку, поэтому я специально поздоровалась только с ней. Люди приходили сюда смотреть квартиры, чтобы бесплатно пообедать и искупаться в бассейне, а я должна была втюхать им что-нибудь совершенно ненужное. Летом, в высокий сезон, цена за неделю в квартире доходила до шестнадцати тысяч долларов, но я отлично справлялась со своей работой. Вообще в Хот-Спрингсе высокий сезон наступал пять раз в году. Зимой неделя проживания обходилась в пять тысяч долларов, но я всегда старалась подсунуть квартирантам жилье подороже. У Сэнди дела шли хорошо именно в низкий сезон, потому что она себя недооценивала.

– Сэнди, это большие деньги для *тебя*, – говорила я ей, когда она начинала сомневаться в своих силах. – Прекрати так думать. Для *них* эта цена совсем не высокая.

За спинами пары прошел Ларри. Он подмигнул нам.

– Пора, девушки, – сказал он.

Ларри Нельсон был нашим начальником, и лучшего и пожелать было невозможно. Он прекрасно справлялся с этой должностью. Один из немногих моих боссов, которые от меня отвязались и давали спокойно работать. Мне несколько раз приходилось увольняться, потому что начальники хотели, чтобы я с ними спала. Познакомившись с Ларри, я всем своим видом дала понять, что ему ничего не светит, так что он и предлагать не стал. Пару раз я видела его жену и знала, что она уверена в том, что я его любовница.

– Да, точно, нам пора, – сказала я.

В доме была непроданная квартира, в которой мы могли принять душ и переодеться в рабочую форму.

---

⁴ Американский телевизионный проповедник, известный своими ультраконсервативными взглядами.

– Пойдем зарабатывать деньги, – сказала Сэнди. – Но сперва наденем счастливые платья.

Ларри собрал нас всех в огромной комнате, которую мы называли офисом. Мы, примерно шестьдесят сотрудников, расселись за небольшими, плотно составленными столиками. Можно было подслушать чей угодно разговор; все это чем-то напоминало цирк. Любой клиент мог подойти к любому столу, но если тебе было ясно, что на этого человека ты впустую потратишь время, можно было провернуть один из трюков, которыми иногда пользуются специалисты по продажам: притвориться очень занятым или убежать в туалет.

Как-то раз к нам зашел старичок в заляпанной футболке и в протертом между ног комбинезоне. Мои коллеги, не стесняясь, говорили:

– Мне он не нужен. Забирайте.

Ну а мне было плевать на внешний вид клиента. Мужчина приехал из Миссисипи, и, когда он подходил к моему столу, я заметила, что обут он в сапоги с металлическими носами, которые ему пришлось обрезать.

Мужчина заметил, что я на него смотрю.

– Диабет, – сказал он.

– Что ж, приятно познакомиться, – ответила я. – Меня зовут Рут.

Достаточно было взглянуть на старичка один раз, чтобы понять: денег у него нет, но я устроила ему стандартный показ квартир. Когда мы закончили, мужчина достал из нагрудного кармана кисет. Из него он выудил шестнадцать тысячных купюр и положил их на стол.

– Думаю, я возьму какую-нибудь квартиру, – сказал он.

Все были в шоке. Так что меня ценили как сотрудника.

В семейной паре, которую мы видели днем, не было ничего примечательного: обоим немного за тридцать, на мужчине темно-синяя тенниска, а на женщине летнее платье – кажется, новое. По этим людям сразу было видно, что кое-какие деньги у них водятся, но и муж, и жена стояли скрестив руки, поэтому мне нужно было их немного растормошить. Чем крепче у клиентов скрещены руки, тем сложнее до них достучаться. По их лицам было понятно, что еще утром они условились пока не тратить, и поэтому даже не собираются меня слушать. В таких случаях я, копируя клиентов, тоже скрещиваю руки. А во время разговора постепенно принимаю открытую позу. Очень медленно и почти незаметно. И клиенты тоже потихоньку руки опускают. Но иногда они принимают прежнее положение, и мне приходится начинать все сначала. Моя цель – заставить их забыть о договоренностях, которые всегда упираются в деньги.

Я положила правую руку поверх левой и наклонилась вперед.

– Послушайте, – сказала я, понизив голос, будто собираюсь с ними откровенничать, хотя сама готовилась навешать им на уши немного первоклассной лапши. – Готова поспорить, вы оказались в такой же ситуации, что и мы с мужем, когда пришли сюда впервые. «Дорогой, сегодня мы ничего покупать не будем. Решение примем как-нибудь потом, и плевать, что дом нам очень понравился. Сегодня мы ничего покупать не будем».

Мужчина и женщина посмотрели друг на друга, засмеялись и немного расслабились. Всегда срабатывает!

– Понимаю вас, – сказала я. – Но давайте перейдем сразу к делу. Я вам все покажу.

По пути к демонстрационной квартире я расхваливала Хот-Спрингс. Я знаю многих, кто любит этот город так же сильно, как я, но еще не встречала человека, который восторгался бы им громче. В 1836 году сюда из Англии приехал дед моей бабушки. Он открыл в Хот-Спрингсе первый универмаг и салун⁵. Точнее, один из первых универмагов. Все пытаются доказать, что их предки были первопроходцами в этом деле. Бабушкин дед, дедушка Гардинер, владел землей от Сентрал-авеню до горы Риант, и в его поместье постоянно рыли могилы. «У него снова

---

⁵ Так назывались американские бары во времена Дикого Запада.

умер раб, – говорили местные. – Этот парень из Англии не знает, как обращаться с рабами. Он их покупает, а они мрут как мухи».

Никто не знал, что рабы на самом деле не умирали. Дедушка Гардинер тайком сажал их на обозы, идущие до индейских земель, и отпускал на свободу. Он ненавидел рабство и не понимал, зачем оно нужно. Скупал рабов, которые оказывались в городе, и помогал им бежать.

– Раньше эти места называли Долиной туманов, – рассказывала я, пока мы поднимались по холму. – Более пяти сотен лет назад сюда, в долину горячих источников, стекались воинственные индейские вожди. Воздух в долине был целебным, поэтому им нельзя было принести с собой оружие. – Я сделала театральную паузу. – Индейцы отводили воду. С горы Хот-Спрингс в источники каждый день стекает около миллиона галлонов воды. Горячей воды – 147 градусов по Фаренгейту⁶. Индейцы изменили русло реки, чтобы горячая вода смешивалась с холодной. Так у вождей появилось что-то вроде собственной ванны. Они отмокали в теплой воде и обсуждали свои неурядицы, интересы и потребности. Вместо того, чтобы убивать друг друга. Для них это была священная долина. Такой она остается и для меня.

Похоже, для женщины долина тоже была священной. Я заметила, как она, слушая мой рассказ, взяла мужа за руку.

– Вы, наверное, знаете, что раньше по весне в Хот-Спрингс приезжали тренироваться бейсболисты. Все в курсе, что наш город любил Бейб Рут⁷, но слышали ли вы, что Аль Капоне тоже был от него без ума?

– Охре... – начал было мужчина, но жена дернула его за руку. – Правда?

– Ну конечно. Он останавливался в гостинице «Арлингтон» и как-то раз жил там в то же время, что и Багси Сигел, его злейший враг. Хот-Спрингс был нейтральной территорией.

Ну а теперь я решила зайти с козырей:

– Ну и конечно, здесь бывал Оуни Мэдден.

– Кто?

– Вы не слышали про Оуни Мэддена? У него еще было прозвище Киллер. Мафия отправила его в Хот-Спрингс, чтобы он немного поостыл после того, как убил человека, которого убивать не следовало. Дело было в тридцатых, и тогда Хот-Спрингс был одним из самых притягательных для организованной преступности городов юга. Никаких законов!

Мой дедушка служил у Оуни Мэддена сторожем. Помню, когда дедушка лишился ноги и выздоравливал у нас дома, Оуни его навещал. К дверям подъезжал большой черный «кадиллак», возле которого всегда оставался мужчина. Оуни каждый раз привозил мне крекеры. Мне-то казалось, что он так поступает, потому что я ему нравлюсь, но потом поняла, что, набив рот печеньем, просто веду себя тише обычного.

Мы вошли в просторную, хорошо обставленную квартиру. Две спальни, две ванны – все-таки Ларри был настоящим профи.

– А теперь вы можете почувствовать, каково здесь жить, – сказала я. – Не стесняйтесь, мы не в музее.

Женщина вышла на балкон с видом на озеро и закрыла за собой стеклянную дверь, чтобы не выпускать прохладный воздух кондиционера. Мужчина сел на диван, включил телевизор и начал щелкать каналы в поисках бейсбола. Многие мечтают о такой жизни. О тихой и уединенной.

– Вот это жизнь! – произнес мужчина, обращаясь скорее к самому себе.

---

⁶ Около 64 °C.

⁷ Джордж Херман Бейб Рут-младший (1895–1948) – профессиональный американский бейсболист. Стал одним из первых пяти бейсболистов, введенных в Национальный бейсбольный Зал славы в 1936 г.

Женщина повернулась и посмотрела на мужа через стекло, а я принялась деловито поправлять подушку. Я заметила, что женщина кивнула.

– Берем, – сказал мужчина.

Всю дорогу до дома я на своей маленькой серой «Тойоте-Селике» ехала с открытыми окнами. Машина была не новая, но я следила, чтобы ее блестящий корпус производил иное впечатление. Впервые в жизни на моем автомобиле стояли четыре шины одной марки, так что я неплохо справлялась. Я заехала на выложенную желтым кирпичом площадку у дома, которая была чуть больше тысячи квадратных футов.

Мне было хорошо наедине с собой. Но Сэнди права: мне и правда хотелось замуж. Ведь если тебе что-то не слишком нужно, это не значит, что ты не хочешь этим обзавестись.

Выйдя из машины, я услышала, что в доме звонит телефон.

– Это Рут? – донесся суровый голос из трубки.

– Да, – ответила я.

– Меня зовут сестра Анжела Майер.

– О, – протянула я и начала убирать посуду с кухонного стола, словно незнакомка могла меня увидеть. – Здравствуйте, сестра.

– Я управляющая в больнице святого Иосифа, – сказала женщина. – Мне дали ваш номер.

Значит, она работает в католической больнице Хот-Спрингса.

– Слушаю вас, – сказала я, пытаясь понять, что происходит.

– У нас есть пациент, которого нужно куда-нибудь увезти, – ответила сестра. – Мы не сможем о нем позаботиться.

– Я с ним знакома? – спросила я.

– Не знаю, с кем вы знакомы, – ответила сестра. – В нашей больнице нет оборудования для больных СПИДом. Это очень опасно. И нам не нужна дурная слава.

– Но я не понимаю, что я...

– Сможете приехать сегодня?

– Э-э, дайте мне...

Сестра повесила трубку. Я поняла, что не спросила имя пациента.

Я сидела на кухне. Солнце скрывалось за горизонтом, и в доме темнело. Я так спешила поднять трубку, что не включила свет. Отец Эллисон привезет ее только к воскресной службе.

С минуту я сидела, обхватив голову руками.

– Вот черт, – сказала я в пустоту и взяла ключи.

Глава третья

Сестра Анжела Майер встретила меня у огромного креста в холле больницы святого Иосифа. Она была не в церковном одеянии, но монахиню выдавал взгляд, так что я сразу же подошла к ней.

– Вы Рут?

– Да, – ответила я и протянула руку. Она на нее даже не взглянула. Притворилась, что не заметила.

Эту больницу сто лет назад основали сестры милосердия. Мне стало интересно, были ли они похожи на сестру Анжелу.

– Пойдемте, – сказала она, направляясь к лифту. Она молчала до тех пор, пока двери лифта не закрылись и мы не остались вдвоем. – Как я вам сказала по телефону, у нас в больнице нет оборудования, чтобы помочь этому пациенту. Его нужно куда-нибудь переправить.

– Куда же это?

Сестра взглянула на меня и произнесла голосом, в котором угадывались человеческие нотки:

– Делайте с ним что хотите.

Двери открылись. Мне захотелось отправить лифт обратно на первый этаж и убежать. Кажется, сестра это почувствовала, поднесла руку к моей спине, чтобы подтолкнуть к выходу, но в последнюю секунду отдернула ладонь.

У лифта нас ждали медсестры. Они молча меня разглядывали.

– Могу я его увидеть? – спросила я.

Монахиня провела меня по коридору, и одна из медсестер протянула мне комплект защитной одежды. Казалось, что меня готовят к выходу в открытый космос. Сестра Анжела, кивая, смотрела, как я надеваю бахилы, халат, защитные штаны, шапочку и маску. Как и раньше, у палаты Джимми, в коридоре на полу стояли лотки с едой.

Прежде чем надеть маску, я повернулась к сестре Анжеле:

– Как его зовут?

Монахиня посмотрела мне в глаза:

– Его имя есть в истории болезни. Его подбросили к дверям приемного покоя.

Она произнесла это так, словно пыталась оправдаться. Думаю, ей не хотелось даже прикасаться к карточке больного, в которой было указано, что его зовут Рональд Уоткинс. Я не знала ни одного человека по фамилии Уоткинс, хотя знакомых у меня было немало.

Войдя в палату, я сразу поняла, что Рональд в очень тяжелом состоянии: смерть наступит через пару часов. Это стало бы ясно любому, кто зашел бы к нему в палату. Передо мной лежал скелет. Я поспешила в коридор, сказать сестре Анжеле, что времени, чтобы увезти Рональда, уже не осталось, но ее нигде не было.

И я вернулась в палату и села возле кровати.

– Я с тобой, Рональд.

Я взяла его за руку, но мне стало неловко держать ее в перчатках. Поэтому я их сняла. Дурацкий скафандр я снимать не стала, но стянула с себя маску и совершенно бесполезную шапочку. На моих волосах СПИД уж точно не оседает.

Я сидела рядом с Рональдом и что-то говорила ему тихим голосом. Я говорила уже не с человеком, а с телом – так близка была его смерть, – но мне казалось, что нельзя просто молчать. Как и Джимми, Рональд в одно мгновение перестал дышать, но на этот раз я испугалась не так сильно. Артерия на его шее дернулась еще пару раз и наконец замерла. Я знала, что душа Рональда еще немного побудет на земле.

Мне стали звонить еще и еще.

Видимо, медсестры и врачи проводили свободное время в одном питейном заведении, потому что позже я узнала, что их разговоры выглядели примерно так:

– Была у нас одна сумасшедшая, которая заходила прямо в палату к спидознику.

– То есть у вас в больнице кто-то за ними присматривает? Как ее зовут? Где достать ее номер?

От таких пациентов все хотели избавиться. В первый месяц мне позвонили дважды, и для меня это было уже слишком. В следующем месяце мне позвонили трижды. В Литл-Роке располагался медицинский центр, баптистская больница, католическая больница и еще одна клиника. В Хот-Спрингсе был свой медицинский центр и больница святого Иосифа. Это если говорить о крупных больницах. А ведь вокруг Хот-Спрингса разбросаны городишки со своими клиническими больницами. Если дело было плохо – а к тому времени, когда больным СПИДом начинали оказывать помощь, они все уже были в плачевном состоянии, – эти клинические больницы направляли пациентов в Хот-Спрингс.

Время шло, и в больницы поступало все больше и больше истощенных геев: одни приходили сами, других же иногда кто-то оставлял в приемном покое. Все мои ровесники, а некоторые даже моложе – года по двадцать три, двадцать четыре. Они боялись попросить о помощи. А может, просто не понимали, что с ними происходит. Смерть наступала через шесть недель после появления первых симптомов. Диарея, бесконечная лихорадка, ночная потливость и – это проявление болезни я видела чаще всего – пневмония. Больные таяли на глазах: кишечник так быстро опорожнялся, что они худели до семидесяти, а то и до шестидесяти фунтов⁸. Когда меня вызывали, все они были уже при смерти.

На работе у меня был гибкий график, так что в случае острой необходимости я могла заниматься больными. Поначалу я задумывалась, какие проценты с продаж теряю, но потом выкинула эти мысли из головы. В мае Эллисон исполнилось четыре года, и пять дней в неделю она проводила в детском саду. На выходные ее забирал отец, что, конечно, облегчало мне жизнь. Но если Эллисон была не у папы и не в саду, она ходила со мной за руку по больничным коридорам. Зачастую я кормила дочь в больницах, и у нее даже появились свои предпочтения. По мнению Эллисон, вкуснее всего готовили в больнице святого Георгия, особенно она любила тамашние панкейки. А вот самые добрые люди работали в медицинском центре Хот-Спрингса.

Каждая медсестра, каждый врач считали своим долгом сообщить мне, что ребенку в больнице не место, но я не знала, как мне быть. Как-то я спросила у одной медсестры, которая отказывалась заходить в палату к больному:

– Если мы сейчас уедем домой, вы о нем позаботитесь?

Она кивнула и пошла в совершенно противоположную сторону. Помогая больным, я стала по-другому обращаться с дочерью: я постоянно измеряла ей температуру.

Если приходилось ехать в больницу ночью, я ждала, пока Эллисон заснет, переносила ее на заднее сиденье машины и отвозила к Бонни – только Бонни знала, чем я занимаюсь. Словно мешок картошки, я заносила Эллисон в дом и укладывала ее на диван, где она спала до самого утра.

Руководство больниц было недовольно тем, что у них умирают такие пациенты, поэтому медперсонал пытался как можно скорее избавиться от тел. Где-то прошел слух, что однажды я организовала вынос тела, и все решили, что я занимаюсь этим профессионально. Когда я спрашивала, есть ли у покойного страховка или ближайшие родственники, мне смеялись в лицо. Я узнала, что будет проще, если окружной суд признает таких пациентов малоимущими. Кремация и похороны малоимущих оплачивались правительством округа, ведь в таких случаях ритуальные бюро обязаны оказать услуги по фактической стоимости. Хот-Спрингс так долго считался местом исцеления, и сюда приезжало так много бедняков, которые здесь же и умирали.

---

⁸ Около 32–27 кг.

рали – то ли от туберкулеза, то ли от чего-то еще, – что правительство округа уже давно создало фонд для оплаты похорон.

Я стала много времени проводить в здании суда, стуча каблуками по полу, выложенному черно-белой плиткой размером с пятицентовую монету. Как правило, на мне было летящее платье – на случай, если придется кого-нибудь очаровывать. Я поднималась в кабинет судьи, и моей задачей было войти и поскорее выйти. Судьи очень радовались, когда видели меня в платье, но, когда узнавали, что мне нужно, улыбка быстро сползала с их лиц. Они тут же переставали со мной флиртовать.

– Это малоимущие, и у нас нет другого выхода: их нужно похоронить, – говорила я.

В этом случае судья обязан был удостовериться, что у покойного нет близких родственников и что ни одна церковь не желает оплатить его похороны. Но стоило мне сказать, что человек умер от СПИДа, как нужда в поисках помощников сразу отпадала.

Получив от судьи положительный ответ, я уже спокойнее спускалась на первый этаж. В конце коридора над питьевым фонтанчиком висел неоконченный портрет Джорджа Вашингтона, которому я смотрела в глаза. А потом я поворачивала направо и выходила на улицу.

Никто ни разу не поинтересовался, что я собираюсь делать с прахом.

Эллисон, одетая в платье для церкви, плелась за мной по кладбищу Файлс. Под ее белыми туфельками громко хрустели сосновые иголки.

– Подойдем ненадолго к могилам, милая, – сказала я дочери.

Эллисон взяла с собой лопатку для песочницы, и, не будь мы так нарядно одеты, можно было бы подумать, что мы собрались на пляж.

Я несла сумку с двумя банками для печенья. На той неделе умерли двое. Я несколько раз приходила в мастерскую к Кимбо, но ни разу не купила у него больше емкостей, чем мне было нужно. Наверное, здесь свою роль сыграла моя суеверность. Я соврала Кимбо, что покупаю банки для печенья, чтобы дарить их друзьям на дни рождения.

Любопытно, что прах каждого человека имеет свой цвет. Можно подумать, что прах – это порошок, но на самом деле у него более крупные частицы. В нем можно разглядеть кусочки костей – доказательство того, что перед тобой останки настоящего человека.

В тот день очередь приютить две души дошла до моей бабушки.

– Вы ее полюбите, – сказала я, достав банки из сумки и поставив их у могилы. – Она о вас позаботится.

Всякий раз я приносила с собой саженцы на случай, если кто-нибудь нас увидит и спросит, чем мы занимаемся. Правда, на кладбище все равно ничего не росло, как я ни пыталась украсить его розовыми кустами.

– Рут? – произнесла я шепотом. – Да она просто цветы сажает. С чего вы взяли, что она хоронит погибших от СПИДа? Придет же такое в голову!

Эллисон встала на колени рядом со мной, и я пригладила ее рыжие волосы.

– Ты самый прекрасный ангел на свете, – сказала я. – А теперь помоги-ка маме вырыть небольшую ямку.

Складывая красную землю аккуратным холмиком, я кое-как выкопала две ямы поглубже. Эллисон это занятие быстро наскучило, и она стала пытаться перекувырнуться.

– Только не на кладбище, – сказала я, аккуратно пряча банки с прахом под землю. – И не в этом платье. Его нужно беречь.

Я разложила сумку на земле, и Эллисон встала на нее на колени. Я сложила ее маленькие ручки вместе, чтобы она поняла, что настало время молитвы.

– Закрой глаза и думай о любви. Мы пошлем ее прямо в эту землю, чтобы здесь поскорее выросла трава и цветы, хорошо?

– Хорошо.

– Господи, я не знаю этих людей, но Ты с ними точно знаком, – произнесла я. – В какого бы бога они ни верили, мы просим Тебя опекать их. Благослови каждого, кто был добр к ним на земле, и даруй им любовь и милосердие на небесах.

Открыв глаза, я увидела, что Эллисон озадаченно на меня смотрит.

– Что ж, думаю, нашим цветам здесь будет хорошо и они обязательно вырастут, – сказала я.

Эллисон перевела взгляд на могилу.

– Молодцы, растения! – сказала она. – Я вас люблю.

С этими словами она, петляя между могилами, побежала к выходу с кладбища.

К концу лета я похоронила в общей сложности восьмерых. Тогда мне казалось, что это очень много. Знала бы я, что меня ждет!

Все больные были на грани между жизнью и смертью, так что я уже ничем не могла им помочь. Разве что принести утешение. Об этом я говорила сразу же, входя в палату, потому что знала, что они меня слышат. Да, я такой же чужой человек, как и все, кто заходил к ним до этого, вот только я буду относиться к ним по-доброму. Даже страшно представить, что должен чувствовать незащищенный больной, с которым плохо обращаются? Я сидела с умирающими, держала их за руку и говорила, что скоро им станет легче. Некоторые умирали очень быстро, а некоторые проводили в агонии по несколько часов. Чтобы успокоить и их, и себя, я рассказывала истории.

Когда я оказывалась в палате, мне казалось, что я перехожу реку. Что на руках переносу этих парней на другой берег. Что там их ждут друзья и родственники, которые не станут их осуждать. Что я перенесу их через реку и отдам тем, кто их действительно любит.

А потом оборачивалась и понимала, что стою у кромки воды совсем одна. Я вставала, закрывала парням глаза и рты, приглаживала им волосы и укладывала их в постели поровнее. Чтобы они выглядели достойно.

Все изменилось, когда в больнице святого Иосифа мне встретился он. Его звали Ховард.

Он страдал пневмонией и, кажется, запущенным стоматитом. Я знала, что врач может поставить ему диагноз, даже стоя в дверном проеме. Доктор в защитном скафандре отругал меня за то, что я не надела маску. Это был онколог. Таких пациентов отдавали онкологам, потому что считали, что СПИД – это разновидность рака, которая появляется у геев. У врачей, что неудивительно, такой подход вызывал возмущение, о чем они не упускали случая сообщить мне. Словно это я была во всем виновата. Ну вот, они только начали зарабатывать хорошие деньги, а теперь из-за СПИДа вся их практика полетит к чертям, и к ним больше не придет ни один натурал. Все это мне приходилось выслушивать не раз.

Так вот, Ховард. Я спустилась в столовую, чтобы купить пахту. Да, это та еще гадость, но я знала, что она поможет от стоматита. Мне об этом рассказывала бабушка с папиной стороны. Они с дедушкой обустроивали острова Флорида-Кис. Они разбили там рыболовецкий лагерь. А бабушка к тому же могла вылечить что угодно. Могла распознать любую болезнь. Уж не знаю, была ли она ворожеей или знахаркой. Может, просто хорошо соображала. Но каким бы даром она ни обладала, он по большей части передался и мне.

Пока папа был жив, каждую зиму мы с ним ездили во Флориду. Он научил меня правильно накладывать компресс, чтобы вылечить инфекцию.

– Принеси мне то-то вон с того дерева и такую-то часть того растения.

В тех краях врачей не было, да и у моей семьи на них не было денег. Так что нам только это и оставалось.

Я приходила к Ховарду три дня подряд вместо работы, пока Эллисон была в детском саду. От пахты ему становилось легче. Я пыталась кормить его йогуртом с ложки, но он не мог глотать. Он брал йогурт в рот и тут же его выплевывал, но время от времени пытался немного поговорить. Оказалось, что сразу после школы он уехал в Нью-Йорк.

– Если ты гей и у тебя есть пятьдесят центов, то надо садиться на первый автобус из Арканзаса, – сказал он. – Выбирай любое побережье и поезжай туда не раздумывая.

В Нью-Йорке Ховард устроился помощником бухгалтера.

– Я работал вчерную, – шептал он, – и меня это веселило.

– Я взяла себе за правило браться за любую нормальную и законную работу, – сказала я.

– Умно.

– Конечно, я же не дурочка, – ответила я. – Я хоть и блондинка, но крашенная.

Ховард рассмеялся и закашлялся, а мне от этого стало неловко.

– Ты с кем-нибудь встречался в Нью-Йорке?

– С Кеном, – ответил он. – С самым красивым мужчиной на планете! Куда бы мы с ним ни приходили, все вокруг охали: «Посмотрите, да это же самый красивый мужчина в мире». Он заболел. Я стал прогуливать работу, и меня уволили. Думаю, мой начальник был в курсе. Он ненавидит геев. Как и все вокруг.

– Понимаю, милый, – сказала я. – Мне жаль, что так случилось.

– Он умер в больнице святого Винсента. 11 июля. Там на стенах висят такие же распятия, как здесь.

Мы оба взглянули на Иисуса, словно он мог поддержать разговор.

– В Нью-Йорке лучше, чем здесь?

– Не сказал бы, – ответил Ховард. – Никто не знает, как быть.

– Хоть кто-нибудь пытается исправить положение? – спросила я. – Уж в Нью-Йорке-то наверняка кто-то этим занимается.

– Нет.

– Почему ты вернулся? – спросила я.

– Я заболел и подумал, что родители... – Ховард смолк и сглотнул. – В Нью-Йорке я был совсем один. У меня были друзья, но, когда Кен заболел, они куда-то пропали. Люди боятся дышать со мной одним воздухом, так что... У нас была собака. Кинг-чарльз-спаниель, наш малыш Клементин. Клем. Всю дорогу сюда я прятал его в сумке. Мама сказала, что Клем может остаться у них. Она сказала: «Мне жаль бедного песика». А папа так и просидел у себя в гараже. Не захотел ко мне выходить. – Ховард замолчал и, видимо, решил не досказывать историю.

– Что ж, в конце концов ты правильно сделал, что вернулся. Что может быть красивее осени в Хот-Спрингсе, верно?

– Мне нравится, как осенью выглядят озера, – мечтательно произнес Ховард. – Когда вода остывает и все разъезжаются.

– Да, можно пойти на рыбалку и не встретить ни души, – сказала я.

– Папа по выходным водил нас с братом на озеро, – сказал Ховард. – Мне бы очень хотелось снова увидеть желтые листья.

Я расплакалась и обвела палату взглядом. В ней не было даже коробки салфеток. Ховард угасал на глазах.

– Если ты будешь продолжать в том же духе, без салфеток нам не обойтись, – сказала я. – Скоро вернусь, обещаю.

Я поймала его испуганный взгляд.

– Клянусь.

Я встала со стула, вышла за дверь и наступила в лоток с едой, оставленный на полу, – жалкий сэндвич с колбасой в лужице апельсинового сока... И у меня внутри что-то оборвалось.

Я прошла полпути до сестринского поста. Там маячили две медсестры, которые во все глаза смотрели на меня, а потом к ним подошла еще и третья.

– Почему вы оставляете эти лотки на полу? – спросила я, пытаясь призвать на помощь все свое самообладание, хотя мне хотелось кричать. – Он вам не собака. И не ждите, что он выйдет из палаты и поест из лотка. Хватит! Чтобы я такого больше не видела!

– Он все равно не ест, – сказала одна из медсестер.

– А как вы это себе представляете? Если уж не хотите заходить в палату, то поставьте еду хотя бы на столик. Вы сами-то стали бы есть с пола? Я бы не стала, и не позволю вам так относиться к человеку. Это неправильно!

Тут, словно злой дух, откуда-то появилась сестра Анжела.

– Вам нужно успокоиться, – сказала она.

– *Я спокойна*, – ответила я. Затем понизила голос, стараясь говорить тише и медленнее: – Послушайте, только послушайте меня. – Я повернулась к медсестрам. – Да, он может вам не нравиться. Да, вы не хотите заходить к нему в палату. Но одна из вас, я уверена, сделает это. – Я повернулась к сестре Анжеле. – Сердце одной из вас преисполнится божественной любви. – Я снова повернулась к медсестрам. – Почему бы вам не пойти на уступки, раз уж вы не хотите к нему заходить? У одной из вас хватит силы. *Почувствуйте ее в себе*. Делайте то, что должно, и помогите больному.

– Этот пациент... – начала было одна из медсестер.

– *Ховард*. Он добрался до Нью-Йорка. Он жил полной жизнью... – Я поймала на себе взгляд сестры Анжелы и посмотрела на нее в ответ. – Я могу уехать домой, – сказала я. – Могу уехать и не вернуться. Вот в чем дело.

Сестра Анжела скривила губы, якобы показывая мне все свое презрение. Бросив грозный взгляд на медсестер, она ушла.

– Дайте мне, пожалуйста, пачку салфеток, – попросила я.

Под взглядами медсестер я стянула с себя скафандр: сняла защитные штаны и необъятный халат. Одна из медсестер протянула мне коробку салфеток.

– Спасибо, – сказала я, отбросив волосы назад.

Громко цокая каблуками, я пошла в палату Ховарда и по пути выбросила скафандр в мусорное ведро.

Больше я не надевала защитную одежду ни в одной больнице.

Ховард все реже приходил в сознание и через несколько дней умер. Он словно утонул в кровати – так много жидкости у него было в легких. Он больше никогда не увидит желтые листья...

Его мать сказала, что тело ей не нужно, и я попросила позвать к телефону отца.

– Он сейчас не может говорить, – ответила женщина и шикнула на лающую собаку: – *Лаки*, прекрати!

«Неужели они даже его собаку переименовали?» – подумала я.

Я похоронила Ховарда на кладбище Файлс возле Джимми.

О походах в больницы я не рассказывала никому, кроме Бонни. Она была прекрасным слушателем, и мы с ней разговаривали почти каждый вечер. Бонни пыталась приспособиться к новой жизни, в которой ей приходилось есть через зонд, и у нее стало получаться издавать звуки, похожие на человеческий голос. Но, если честно, это напоминало скорее пародию на Даффи Дака⁹. А еще Бонни была очень умной и любила длинные слова. Наверное, этому поспособствовали долгие годы работы в газете. Когда я водила Бонни к врачу и он спрашивал, как она себя чувствует, моя подруга в шутку отвечала: «Превосходно». И мы с врачом тратили не меньше пяти минут, пытаясь расшифровать это слово.

Онколога Бонни звали Брюс Лейпциг. Он был раввином из Нью-Йорка и, как вы догадываетесь, выделялся на фоне других жителей Арканзаса. Он объяснил мне, как ухаживать за Бонни, как давать лекарства и как кормить через зонд. Все это для меня было не ново. У меня не было даже начальной медицинской подготовки, но в детстве я ухаживала за отцом. Когда

---

⁹ Мультипликационный персонаж-утка, появившийся в конце 1930-х гг. в мультфильмах серии «Безумные мелодии» (англ. Looney Tunes) и «Веселые мелодии» (англ. Merrie Melodies) компании Warner Bros. Pictures.

ночью его легкие заполнялись жидкостью, мама всегда просыпалась от характерного булькающего звука. Она будила меня, чтобы я откачивала жидкость из папиных легких. Мама вышла за отца, потому что он получал военную пенсию, а папа женился на маме, потому что она была медсестрой, и они оба знали, что их брак – это взаимовыгодная сделка. Мама была тяжело больна и порой просто не могла подняться с кровати, так что я становилась и ее сиделкой. У папы после трахеотомии осталось отверстие, и он помогал мне вставлять трубку в легкое через трахею. Мы откачивали жидкость сначала из одного легкого, затем из второго – обычно у нас набиралось почти полбанки. Я, ребенок, все равно не смогла бы удержать тару побольше и потяжелее. А потом я выливали жидкость из банки. Меня подташнивало, но выбора не было.

А еще Бонни была упертой, и ей очень не хотелось умирать. Когда доктор Лейпциг сказал, что у нее только три процента вероятности пережить химиотерапию, она ответила: «Я в любом случае когда-нибудь умру, давайте попробуем». Врач пожал плечами и улыбнулся: «Что ж, тогда рискнем».

На одном из приемов я сказала доктору Лейпцигу, что слышала про СПИД «по телевизору», и спросила, что он думает по этому поводу.

– Понимаете ли, мы, доктора, считали, что знаем о болезнях все, – ответил он. – Опухоль нужно вырезать, а в таком-то случае нужно применить такой-то антибиотик.

– Понимаю, – кивнула я.

– Так вот, – продолжал доктор Лейпциг, – я могу предложить Бонни: «Давайте попробуем такой способ лечения». Я могу сказать своим пациентам: «Эта процедура продлит вам жизнь». Но как я могу помочь больным СПИДом? На этот вопрос не существует ответа. Разве я могу, глядя пациенту в глаза, сказать ему: «Здесь я бессилён»? Вы сами можете представить такую ситуацию?

– Нет, – соврала я. Бонни посмотрела на меня, прекрасно понимая, что я задумала. – А что говорят о причинах СПИДа?

– Кажется, есть мнение, что болезнь порождается вирусом, который, попадая в организм, вызывает грипп в тяжелой форме, а потом все проходит. Вот только вирус начинает разрушать иммунную систему больного. И человек становится легкой мишенью для любого заболевания. Поэтому у молодых людей наблюдаются старческие болезни.

– Да уж, это похлеще ужасиков будет, – сказала я.

– Нам, врачам, все это кажется безумно интересным, – признался доктор Лейпциг. – Но вокруг умирают люди. Думаю, в данном случае поможет только профилактика. Некоторые предлагают помещать таких больных в карантин, но как это организовать?

Как-то раз я пыталась найти врача в больнице святого Иосифа.

– Он, наверное, в библиотеке, – сказала мне медсестра.

– В библиотеке? – переспросила я. – У вас здесь есть библиотека?

– Да, возле ординаторской, – ответила медсестра. – Медицинская библиотека. Врачи иногда прячутся там, чтобы «заниматься исследовательской работой».

Я молча ей улыбнулась. А ближе к вечеру, когда в коридорах стало не таклюдно, сама пошла в библиотеку. В комнате было темно, я включила свет и увидела ряды полок, на которых стояли не только книги, но и *New England Journal of Medicine*¹⁰, *Journal of the American Medical Association*¹¹, *Lancet*...¹² Вдохнув, я стала пролистывать самые свежие выпуски журналов, пытаясь отыскать упоминания о СПИДе. В статьях было изложено то, что я уже знала: ВИЧ – это вирус, передающийся половым путем, через переливание крови, при совместном использовании игл и от матери к ребенку. Болезнь, вызываемая этим вирусом, не может срав-

---

¹⁰ Журнал Медицинского общества Массачусетса.

¹¹ Еженедельный международный медицинский научный журнал, издаваемый Американской медицинской ассоциацией.

¹² Еженедельный рецензируемый общий медицинский журнал, одно из наиболее старых и авторитетных изданий в мире.

ниться ни с простудой, ни с гриппом. А еще ученые опровергали гипотезу о насекомых-переносчиках. Как я поняла, речь шла о комарах. Я нашла пространные публикации о статистике и прогнозах распространения СПИДа, а также рассуждения об этической стороне проведения массовых анализов и о важности профилактики за неимением вакцины и методик лечения. Слова «эпидемия» и «вакцина» подарили мне надежду на то, что кто-то все-таки пытается изобрести лекарство.

А потом я узнала, что в медицинском центре Литл-Рока есть библиотека побольше. Раз в неделю я возила Бонни к тамошней соцработнице, проводившей лучевую терапию. Это была пожилая женщина по имени Твид – «как ткань», говорила она. Несомненно, человек она была очень неравнодушный. Как-то раз мы разговорились о том, чем я занимаюсь, и я рассказала, что ищу любые источники достоверной информации. Твид провела меня в библиотеку медицинского центра, которая не шла ни в какое сравнение с библиотекой в больнице святого Иосифа, – здесь проходили практику студенты. Она была больше, книги в ней были расставлены точнее, а у дверей даже была стойка библиотекаря.

– Мне нужно найти кое-какую информацию, а эта девушка мне поможет, – сказала Твид библиотекарю.

– Хорошо, – ответил он. – Как поживаете?

– Отлично, спасибо, – сказала я.

Так я попала в библиотеку. Несколько раз мы приходили туда вдвоем, а через некоторое время Твид обычно уходила к одному из своих пациентов и больше не возвращалась. Еще пара визитов – и я смогла приходить туда одна. Я улыбалась библиотекарю и в качестве платы за вход одаривала его комплиментами.

В библиотеку позаниматься и вздремнуть приходили интерны и студенты-медики последних курсов – среди них не было ни одной девушки. Я читала, сидя рядом с ними, и вскоре они ко мне привыкли. В библиотеке был аппарат для чтения микрофишей, и я, делая записи, просматривала статьи на экране. Мне вспомнилась школа и как я читала микрофиши на таком же аппарате. Знания давались мне не так легко, как другим детям, и никто – включая меня саму – не догадался, что я страдала дислексией. Я думала, что мне просто нужно заниматься больше, чем сверстникам. И поэтому часами просиживала в школьной библиотеке, пытаясь наверстать материал и перечитывая одно предложение дважды, а то и трижды, лишь бы понять написанное. С тех пор мало что изменилось.

Поначалу, собираясь выйти из дома, Бонни просила меня вынимать зонд. Но эта процедура была настолько болезненной, что в конце концов моя подруга стала везде ходить с трубкой. Она отсоединяла зонд от шприца, через который подавалась питательная смесь, и затыкала его за ухо. В продуктовом магазине на нас буквально тарасились. И не зря: Бонни сразу же привлекала внимание. От радиотерапии у нее совсем не осталось волос; когда она обращалась ко мне, из горла вылетало криканье, а из-за уха элегантно торчал зонд.

– А вот и мы, – говорила я всякий раз, когда мы посещали общественное место.

У Бонни совсем не было денег, и она жила в ветхом домишке посреди леса. Моя мама назвала бы Бонни «лягушатницей». Она считала, что все белокожие бедняки доживают свой век в лесу вместе с лягушками. Для обогрева у Бонни была только пузатая дровяная печка. В декабре, через некоторое время после операции, температура на улице опустилась до двадцати градусов¹³. Я приехала проведать Бонни, и оказалось, что у нее жутко холодно.

– Бонни, клади в печь побольше дров. Так же нельзя.

– Все в порядке, – ответила она.

---

¹³ Около –6 °С.

Я подошла к печке и увидела коробку, полную мелких веточек. Бонни собирала древесину для розжига сама. Тяжести поднимать она не могла совсем и поэтому подбирала с земли лишь легкие хворостинки.

– Ну все, с этим пора заканчивать, – сказала я.

– Все нормально, – сказала Бонни.

– Нет, это не нормально, – возразила я. Я так старательно заботилась о подруге, а ей приходилось жить в таких условиях. – Это не нормально! Это неправильно!

Надо сказать, что Бонни так жила еще до того, как заболела. Она всегда довольствовалась малым. Отец Бонни не пропускал ни одной юбки и, кажется, сбежал от ее мамы так быстро, что даже нельзя было сказать, что они вместе провели ночь. Бонни росла в те времена, когда матерей-одинок считали отбросами общества. Ее мама работала телефонисткой. Денег у них почти не было, и Бонни просто-напросто привыкла жить впроголодь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.